

АЛЕКСАНДР ГОЛУБЕВ

РОССОШАНСКИЕ ЯБЛОКИ

Заметки к творчеству поэта-фронтовика Михаила Тимошечкина

Когда садишься на поезд в Миллерове, поначалу чувствуешь себя еще дома, на Дону, хотя родимая купель уже далеко, где-то за синей дымкой белоголовых степных отрогов, неторопливых речек, отороченных по берегам кудрявым лозняком, к которому вплотную прижимаются левады казачьих, а ближе к станции – украинских куреней и хат... Донщина... Горькая и красивая земля, заповедник российского духа. Отрываться душой от этого края тяжело, но что поделаешь: железная дорога – понятие строгое, сантиментов не допускает. И вот уже Чертково с аккуратным ухоженным вокзалом, нарядными буфетчицами в накрахмаленных кокошниках да невесть откуда взявшимися цыганами, в основном, женщинами и чумазыми цыганятами.

А потом снова мелькают в окнах вагона телеграфные столбы, разъезды, полустанки – словом, извечный русский пейзаж, и лишь к вечеру пассажирский поезд, подтянувшись, как солдат перед начальством, торжественно и собранно вступает в подчинение станции Россошь. Народу на перроне густо, особенно торгового. Продают, как правило, съестное: рассыпчатую картошку, соленые огурчики, а в конце лета – тугие, как ядра, полосатые росошанские яблоки. Они лежат в ведрах, корзинах и просто внасыпь на бязевых лоскутах у ног румяных хозяек. Кажется, вся округа пропитана медовым духом достатка и хлебосольностью живущих здесь людей... Россошь – тихий городок с типичными приметамы быта двух народов – русских и украинцев. В далеком 61-м году я, конечно, не ведал, что житейская судьба приведет меня не однажды на песчаные улицы обетованной земли моих коллег и друзей-литераторов: Алексея Прасолова, Михаила Тимошечкина, Михаила Шевченко, Петра Чалого.

Будто совсем недавно я был принят на работу в газету “Вперед” Подгоренского района, а минул с тех пор не один десяток лет.

Будни в сельской газете – это действительно районные будни, интересного не так уж и много. Кроме того, меня, выросшего на донских песочках, буквально убивала жирная черноземная грязь. Лишь изредка будни скрашивались встречами с людьми самобытными, неординарными. Так, собственно, и произошло в один из осенних вечеров 1965 года, когда в редакцию вошел среднего роста мужчина в круглых роговых очках, темно-синем плаще и в яловых сапогах с высокими голенищами. Поздоровался с редактором. Пожал мне руку, представился:

– Тимошечкин.

Я назвал свою фамилию.

— Как же, слышал. И даже кое-что читал.

Вот так мы и познакомились с Михаилом Федоровичем Тимошечкиным. В те годы он работал собкором областной газеты “Коммуна” по Россошанской зоне. До этого я его не знал, хотя в литературной среде, особенно поэтической, его имя произносилось часто. Помню, как-то профессор-филолог А. М. Абрамов при встрече около здания Воронежского университета, лучисто сверкнув глазами из-под анодированных очков, прочел:

*— Я не тот, кто от отчего крова
Долю в город бежал искать,
Я колхозом командирован
Философию изучать.*

Не обращая внимания на прохожих, восхищенно говорил: “Ты чувствуешь? Слово-то какое нашел: не судьбу, не счастье, — долю. А ты говоришь, Бога нет...”

Безусловно, Абрамову очень “приглянулся” нерв поэзии Тимошечкина. В ней он четко улавливал нечто мощное, ядерное и вместе с тем удивительно душевное, что было так характерно для поэзии тех лет. Может быть, не столько для советской вообще, сколько для русской, свойственной таким поэтам, как М. Исаковский и А. Прокофьев. Конечно, Тимошечкин — поэт другого калибра, тем не менее, его с полным правом можно считать близким родственником названных мастеров, но в большей степени — поэтов фронтовой поры. Ибо “войну (он) знал не понаслышке”, поскольку воевал не в начальствующем составе, а в самой гуще рядового братства, имя которому пехота.

*И что мне звания и ранги,
Коль за оружие берусь!
Пусть не на самом правом фланге,
Но все равно стою за Русь.*

.....
*О нет, я правды не нарушу
И не скажу наоборот —
Мне до сих пор пронзает душу:
“Вперед! Тимошечкин, вперед!”*

... Фронтовых дорог у пехоты всегда вдоволь. Жестокие, кровавые будни — всего лишь тяжкая работа, которая все корежит на своем пути, и прежде всего — человека. Сколько солдат из миллионных армий погибло, стало инвалидами, попало в психушки или спилось... В этой связи вспоминаю своего подгоренского коллегу по газете, одареннейшего радиожурналиста — Ивана Ильича. Душа любой компании, знавший уйму анекдотов, он любил, а главное, умел поддерживать молодых. Но при всех достоинствах старый вояка страдал жесточайшими запоями. Тогда в бунтующей натуре Ивана Ильича просыпался бес лицедейства в звании, как минимум, “народный артист СССР” или, на худой конец, России. В таком состоянии он подходил к зданию местного райкома партии и начинал исполнять роль Гитлера, сыгранную им когда-то в Россошанском самодеятельном театре. Монолог фюрера длился минут десять, а затем доморощенный актер, сделав заключительный бесноватый жест, падал под забор и благополучно засыпал.

Тут же, по горячим следам, секретарь райкома партии по идеологии набирал номер телефона редактора, отчитывал его за слабую воспитательную работу в коллективе и давал указание немедленно убрать с глаз долой незадачливого сотрудника. Редактор тоже звонил куда-то, пробивая для неотложных нужд грузовую машину. Позже ее подгоняли к почтовому в райцентре учреждению, и сотрудники газеты вместе с шофером грузили пламенного артиста в кузов. А мне в этой обстановке доверялось самое почетное — транспортировать мирно посапывающее тело из Подгорного в Россошь, где проживал мой пожилой сослуживец.

Я часто перечитываю один из немногих сборников Тимошечкина “Бой”, выпущенный в свет Центрально-Черноземным книжным издательством в 1971 году.

Несколько месяцев спустя Михаил Федорович подарил мне это свое детище с очень милым автографом: “Саше Голубеву, поэту, вешенскому казаку, в ком чувствую родственное мне отношение к жизни, особенно сельской, — в память о наших встречах в Подгорном и Россоши. М. Тимошечкин. 1.06.72 г., г. Воронеж”.

В этой книжке война предстает не парадная, а самая что ни на есть земная, то есть окопная. Видимо, поэтому я берегу сборник Тимошечкина пуще других, потому что все написанное в нем — правда. Поэт видел врага самого конкретного — с перекошенным от злобы ртом, орущего и стреляющего в него и его однополчан... Словом, на войне как на войне. И невольно возникает вопрос о том естественном чувстве самосохранения, которое всегда было свойственно людям от земли. Ибо, как никто другой, они душой и разумом понимают всю омерзительность войны, ее цинизм. Вот почему с неподдельным любопытством читаешь в сборнике о том натуральном ощущении родства крестьянина, надевшего солдатскую шинель, не только друг с другом, но и с природой, землей, всем сущим, ради чего они идут в бой. Сколько неопределенного восторга появилось у бойцов, когда они во время наступления неожиданно встретили гурт “оглохших от канонад” овец. Бойцам надо было позарез завернуть ополоумевших “кырей”, бежавших в немецкую сторону; кто-то из них догадался бросить “под перед” вожаку саперную лопатку. А вот каков результат:

*И было радостно меж нами,
Когда под крики похвалы
Они веселыми прыжками
Бежали в ближние тылы.
И пахло хлебом и овчиной,
И от кнута был слышен щелк...
Во взводе нашем половина
В пастушьем деле знала толк.*

Разумеется, не только в пастушьем. В стихотворении “Генерал” муза Тимошечкина, как мне кажется, с особым удовольствием окунается в разнотравье крестьянского духа. Еще бы! Перед полками, штурмовавшими Берлин, косит траву их генерал, их “батя”, под чьим водительством они дошли до рейхстага. Лирический герой Тимошечкина — уж не тот ли косарь, о котором земляк поэта Алексей Кольцов, глядя на удалую работу, сказал на веки вечные: “Раззудись, плечо! Размахнись, рука”. Если бы не воинская дисциплина, победители в один миг выкосили бы сочный луг в окрестностях немецкой столицы. Но это было после Победы, а до нее:

*Стоял апрель. Взбухали реки.
Жизнь пробуждалась ото сна.
Рождалась в каждом человеке
Одна великая весна.
Не перекликом журавлиным
Она была для нас близка, —
Гремел апрель, и шли к Берлину
Смертельно храбрые войска.*

Да, прав был Абрамов: “Бог все-таки есть...”. Ведь не иначе как сам Всевышний послал ему такое словосочетание — “смертельно храбрые войска”. По-моему, следует снять перед автором шляпу, а в полевых условиях — кепку, и поклониться до земли.

Возвращаясь к фронтовой юности Тимошечкина, окопным будням пехотинского братства, думаю, что, идя в атаку, каждый солдат надеется уцелеть. Наверное, поэтому фраза: “Воины с тонкими шеями, как же вам жизни сбересть?” — могла родиться только там, на передовой, в минуты отчаяния и на-

дежд. В стихотворении Александра Твардовского “Я убит подо Ржевом” погибший боец закликает оставшихся в живых победить врага любой ценой, иначе он пошлет на них проклятье, а “мертвых проклятье – это кара страшна”. Конечно же, бойцы догадывались о своей тяжелой участи, но... вот как думает об этом лирический герой Тимошечкина:

*А я боялся на войне —
Чтоб в плен меня не захватили
И чтоб случайно не убили
От взвода где-то в стороне.
Чтоб бомбою в глухом овраге
Не уложило наповал,
Чтоб не пришли домой бумаги
О том, что без вести пропал.
.....
И я хотел, чтоб на поверке
Среди просторного села,
Написанная на фанерке,
Моя фамилия была.*

Вообще, война в творчестве поэта делится как бы на две части: первая, когда немцы наступали, и вторая, когда их гнали восвояси. Поначалу настроение тягостной сосредоточенности явно преобладает над светлыми тонами человеческого переживания. Правда, потом от стихотворения к стихотворению автору как-то незаметно удается переломить полосу тяжелых эмоций. Пехотинец Тимошечкин, наверное, всей кожей ощутил “начало больших перемен”. Сражаясь, наши войска переходят на земли сопредельных государств, а это значит, что славяне, как себя называли фронтовики, еще на какие-то сотни километров приблизилась к фашистскому логову. Но, идя на запад, бойцы и командиры все равно душой были на востоке, там, где родной дом. Обратимся к стихотворению “Командарм”, посвященному прославленному генералу, защитнику Сталинграда Павлу Батову. Убеленный сединами пожилой человек, водивший в бой тысячи людей, в минуты наивысшего торжества готов отказаться от участия в параде и праздничном обеде в Кремле, чтобы поскорее попасть в родную деревеньку и обнять родную матушку. Фронтовики, прошедшие “огни и воды”, без капли сомнения верили в свою победу, потому что в нее верили их родители: сельская женщина – мать командарма, и васьильевский конюх из воронежской глубинки Федор Михайлович Тимошечкин.

* * *

Домой, в Прихоперье, Тимошечкин вернулся в январе 1946 года. Поскольку фронтовик в васьильевской округе считался человеком известным (в свое время побеждал на школьных олимпиадах, а за четыре года до войны вообще “отколол” номер – опубликовал заметку в районной газете о плохом обеспечении учебниками своих одноклассников, чем вызвал у собственного отца горделивое чувство), бывшего комсорга роты тут же “захомутали” на должность секретаря Верхне-Карачанского райкома комсомола. Затем он окончил педучилище, немного учительствовал, а в 1948 году, уже из Белогорья, его послали на учебу в Москву, в Центральную комсомольскую школу. Время было крутое, тем не менее бескомпромиссная натура Тимошечкина и здесь нашла применение своему бунтарству. На одном из партийных собраний бывший пехотинец в пух раскритиковал секретаря партбюро за то, что в школе насаждается дух подхалимажа и угодничества. Естественно, голос строптивого лидера из донского села вызвал соответствующий резонанс у руководителей ЦКШ. Присутствовавший на собрании представитель ЦК ВЛКСМ изрек: “С Тимошечкиным надо разобраться”. Вскоре по заданию агитпропа ЦК партии была создана комиссия для разбирательства причин, побудивших слушателей выразить столь нелюбезное мнение не только о методах обучения, но и моральной обстановке в престижном учебном заведении. Критика в адрес руководства ЦКШ была признана справедливой. Однако этот кон-

фликт крайне возмутил первого секретаря ЦК ВЛКСМ Николая Михайлова. Уже после окончания школы и получения диплома с отличием Тимошечкину – по совершенно незначительному поводу – был объявлен выговор, и вместо намечавшейся должности в столичном издании “Молодой колхозник” ему предложили служение журналистике аж в Забайкалье.

Трудяга-поезд добросовестно доставил выпускника ЦКШ в Сибирь. Но побыть газетчиком в холодном крае Михаилу довелось всего полтора года. После того, как Михайлова перевели в аппарат ЦК партии, его преемник, Александр Шелепин, даже не испросив мнения читинского руководства, на первом же заседании Секретариата ЦК ВЛКСМ снял злополучный выговор. Словом, простившись с сибирскими просторами, Тимошечкин вновь вернулся под солнце русской Европы.

Так поэт очутился по соседству с родными местами, получив работу в качестве собственного корреспондента в Урюпинском кусте Балашовской области. Познакомился с интересным собеседником, великолепно знавшим казачий фольклор, краеведом и писателем Борисом Лацилиным. Михаил Федорович дорожил расположением к нему старого литератора, давнего приятеля Шолохова, не раз гостившего у писателя в Вешенской. Вряд ли случайным оказалось появление Андрея Соколова (рассказ “Судьба человека”) в заштатном Урюпинске, где он повстречал своего приемного сына Ваню...

* * *

А всё же вернёмся немного назад...

После работы в Верхнем Карачане Тимошечкина направили на должность первого секретаря райкома комсомола в Белогорьевский район...

Молодость – пора особая. В те годы жилось яростно, звонко, и вроде бы не стоило задумываться над будущим. Посмотрите, какой очаровательной экспрессией наполнено четверостишие из стихотворения “Белогорье”, где лирический герой, не рисуясь, признается:

*В клуб наведуясь, а там уж
Встречу счастье свое.
Говорят, что вышла замуж,
Все равно люблю ее...*

Вообще надо сказать, что в этих краях, действительно, много диковинного. Например, в Белогорье квартировала конно-артиллерийская рота, в которой служил незадолго до восстания на Сенатской площади в 1825 году один из руководителей Северного общества Кондратий Рылеев. Здесь же, неподалеку от села Подгорного, в хуторе Острые Могилы будущий декабрист познакомился с дочерью бывшего командира Острогжского полка, а затем помещика Натальей Тевяшовой. Женился на ней и с Богом уехал в столицу, дабы обессмертить свое имя в рядах восставших.

Кроме того, есть в донском селе еще одна примечательность: в правобережной меловой горе на берегу Дона вырыты пещеры, чем-то напоминающие киевские. Белогорьевская жительница Мария Шерстюкова, сходявшая в XVIII веке в Киево-Печерскую лавру на поклонение святым мощам, решила сотворить нечто подобное. И, представьте себе, сотворила, прокопав в недрах насупленной горы трехкилометровый проход.

Но помимо историко-краеведческого интереса Белогорье всегда отличалось удивительной красотой среднерусского пейзажа, что, безусловно, не могло пройти мимо наблюдательного взгляда Тимошечкина. Его умение читать природу завораживает. Ведь не каждому, например, дано заметить такую картину:

*И заторопишься в дорогу,
И вот уже приметить рад:
У обгороженного стога
В обнимку лошади стоят.*

Побывав не один раз в гостях у смерти, стихотворец из Россоши с двойным упорством ценит радости мирского бытия... Подобные ощущения всегда были свойственны людям мужественным, с кремневым характером.

Как-то в редакции журнала "Подъем" встретились два самобытнейших творческих человека: прославленная Мария Мордасова и поэт Михаил Тимошечкин. Я знал, что росошанец не просто обожает народные песни, он их боготворит. Как будто на одном дыхании произнес он когда-то первоначальные строки запомнившегося многим его стихотворения:

*Как только запоет Русланова
"Вдоль по дорожке столбовой",
Забуду все, что есть, и заново
Услышу рядом голос твой.*

Что и говорить, русскому человеку песня – отрада в горькую минуту. А тут, глядя на вспыхнувшие глаза Тимошечкина при виде входившей Мордасовой, кажется, самым сердцем убедился во всепобеждающей силе великого таланта певицы из Воронежа.

Они сразу нашли общий язык, увлеченно рассуждали о поэтическом ладе, а точнее – единстве звучащего слова и музыки в народной песне. Долго говорили о фронтовых путях-дорогах, вспоминали послевоенную жизнь.

В конце рабочего дня втроем мы вышли на улицу. С низких серых небес срывался тихий апрельский дождь: спорый, ласковый. Совсем немного дней оставалось до праздника Победы. Того самого, который мои спутники "приближали, как могли".

Когда они расставались, Тимошечкин пожал певице руку и посмотрел в небо, радуясь дождю так, как умеет делать это сельский человек. Откланявшись, он поехал на вокзал. В кармане лежал билет до Россоши. Там, на юге области, неделей раньше, чем в Воронеже, в небольшом саду расцветут яблони, укрыв гибкие ветви бело-розовой метелью. А потом, не торопясь, пройдет лето, и в конце августа, когда народится молодой месяц, наступит удивительная пора яблокопада. Месяц будет висеть до зари над городской водокачкой, подслеповато щурясь на спящую окрестность, как бы вопрошая: "А что здесь у вас?" "У нас пока тихо. Лишь по ночам гулко падают на остывшую землю тугие, как ядра, краснобокие яблоки: росошанские... полосатые".